みんぱくリポジトリ
国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnolo

ПОЕЗДКА ОТТО МЕНХЕН-ХЕЛЬФЕНА : На пути к Тибету

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: М.В., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001031

своя историко-культурная логика» (Губогло 2003:210). «Интерес и уважение к прошлому, - вторят ему американские коллеги, - свойственны любому народу, чей коллективный прожитый опыт – необходимое условие его существования и дальнейшего развития» (цит. по:Тишков 1985:5).

4. На пути к Тибету

Менхен-Хельфена очень интересовали связи Тувы с Тибетом, в частности, ему хотелось узнать, насколько плодотворны и регулярны контакты между тувинской и тибетской сангхой. В Верхнечаданском монастыре он знакомится с тувинским монахом, который до этого много лет провел в Сиккиме и Ладаке (на территории современной Индии), постигая премудрости буддийского учения, а также с монахом-тибетцем, которого все почитали как святого. Тибетский монах, по всей вероятности, был тантрическим мастером, ибо то, что он делал, подвластно лишь практикам, достигшим высокой духовной реализации. Местные люди его часто видели зимой полуголым, сидящим на снегу и читающим вслух священные сутры. «Он путешествовал удивительно быстро, - пишет Менхен-Хельфен, - сегодня вечером он исцеляет больного, а завтра утром он за 150 км на другой стоянке, где он приобретает в несколько недель огромные стада и раздает их бедным пастухам. Он говорит по-русски, был в первые годы революции в Москве, но никто не знает, что он там делал и его считают агентом Далай-ламы». Однако немцу так и не удалось узнать его настоящее имя; в народе его называли просто «тибетским монахом» (Менхен-Хельфен 1931:114).

В этом же хурэ Менхен-Хельфен знакомится с его настоятелем Монгушем Лопсан-Чимитом, с человеком весьма известным и уважаемым в обществе. О нем он пишет следующее: «Высокий монах, лет пятидесяти, почти совсем седой, принял меня очень радушно в своей юрте, на монастырском дворе. Войлочная циновка, спальный матрац, три-четыре деревянных сосуда – это все, что составляло скудную обстановку. Против входа стоял скромный алтарь, рядом лежали священные книги – *ном*. Во время нашего разговора он сохранял застенчивую и смущенную улыбку, держал взор опущенный вниз, перебирал пальцами четки… Меня угощали печеньем, кирпичным чаем и *цампой* (тув. *далган*)». Вдруг на алтаре среди фигур и картинок, изображающих буддийских божеств, Менхен-Хельфен увидел портрет Далай-ламы XIII. Разговор коснулся Тибета. Когда он спросил, имеются ли контакты между Тувой и Лхассой, Лопсан-Чимит начал «испуганно отрицать», из чего Менхен-Хельфен делает вывод: «Он наверняка знал, что я был знаком с Нацовым. Я не хотел делать неприятности этому приветливому старому человеку и перевел

разговор на другие темы» (Менхен-Хельфен 1931:113-114).

К беседе с Лопсан-Чимитом вскоре присоединился другой монах, которого звали Эренчин. Это был монгол по происхождению, «веселый, забавный, общительный старый человек, скептик и насмешник, только что приехавший как представитель своего монастыря из Урги… Вместо монгольских высоких сапог у него были модные желтые ботинки; в кожаном чемодане лежала бутылка-термос; он хорошо разбирался в китайской политике, но очень осторожно говорил о России» (Менхен-Хельфен 1931:114-115).

На этом общение у Менхен-Хельфена с представителями буддийской сангхи исчерпывается. Обо всех остальных монахах он отзывается весьма нелестно и не скрывает своего негативного отношения к этим «толпам тунеядцев», паразитирующих на теле трудового аратства. О буддизме в Туве он сообщает следующее: монастыри здесь «нельзя считать бедными»; из 150 тысяч *бодо* (поголовья скота – М.М.) 18 тысяч принадлежит монастырским хозяйствам; с 1928 года монастыри облагаются налогом; монастырский скот постепенно переходит в казну государства; в целом для тувинских лам наступают тяжелые времена; «кельи монахов представляют собой идиллию семейного счастья» - представители сангхи почти все имеют жен и детей, хотя по монашескому уставу они должны быть безбрачными, - такое положение «никого не шокирует». Непосредственных сношений с Тибетом Тува больше не имеет, однако паломничество в Ургу и поездки тувинцев в Тибет через Монголию до сих пор продолжаются (Менхен-Хельфен 1931:105-107, 114-115).

Поскольку религиозные верования с самого начала были объектом пристального внимания Менхен-Хельфена, он пытается разобраться, кем же тувинцы являются в большей степени – шаманистами или буддистами. В первую очередь его внимание привлекают жертвенные кучи - *оваа*, которые встречались повсюду. «Длинные жерди связаны конуссобразно, - пишет он об *оваа* - в середине… устроен алтарь из маленьких плоских камней, на котором стоят различные фигуры. Обыкновенно эти фигуры вырезаны из дерева, но вблизи русской границы я видел фигуры из хлеба: медведи, птицы, скот, черепахи», но встречаются и более художественные *оваа*».

Далее он обнаруживает шаманские охранители – *ээрены*, которые встречаются в каждой юрте. «Нередко здесь же стоит барабан, - отмечает Менхен-Хельфен, - указывающий, что люди, здесь живущие, не только верили в духов, но что один из живущих даже в состоянии их вызывать. И это происходит в Туве, где уже столетиями живут ламы». Далее он пишет: «Каждая юрта имеет свой домашний алтарь, каждый тувинец

молится буддийским богам. Но старое язычество также живо, как оно было до того, когда «солнце учения Будды» согрело души тувинцев. Тувинцы по сегодняшний день темные язычники». Менхен-Хельфен считает, что шаманизм и буддизм «так переплелись между собой, что трудно узнать, что в этом веровании еще осталось буддийского, за исключением бессмысленно зазубренных тибетских молитв»; он также уверен, что буддизм «не принес тувинцу ничего другого, как обязанность содержать шайку паразитов и обогащенный пантеон» (Менхен-Хельфен 1931:103-104).

Несмотря на нескрываемую антипатию к представителям сангхи, Менхен-Хельфен в то же время весьма положительно отзывается о тибетской медицине, которая, как известно, была составной частью буддийского учения и как специальная дисциплина изучалась в монастырских школах. Здесь он, безусловно, противоречит самому себе.

Когда речь заходит о тибетской медицине, Менхен-Хельфен с увлечением и даже с некоторым восторгом описывает методы и средства лечения тибетской медицины. Например, мы узнаем, что при воспалении суставов ламы-лекари прописывали сусальное золото в минимальных дозах. Растертые в порошок золото, серебро, медь и железо считались сильнодействующими препаратами, которые назначали при болезнях сердца и легких. При кашле и глистах рекомендовали принимать свинец; порошкообразный жемчуг считался прекрасным средством при отравлениях. Бирюза, коралл, ляпис-лазурь, янтарь, агат, гипс, рубин и сапфир также применялись в виде порошка при самых различных заболеваниях. Известью лечили язву, ртутью – сифилис, собачьим языком – переломы костей, пухом дикой утки – задержку мочи, рогами антилопы – диарею и лихорадку, козьей кровью и слоновой кожей – оспу, овечьими мозгами – головокружение, лошадиными копытами – воспаление желез, мускусом – запоры. Некоторые способы врачевания показались Менхен-Хельфену и вовсе экзотическими. Например, пеплом обезьяньей кости ускоряли роды, козьими мозгами восстанавливали разорванные сухожилия, змеиный жир применяли для удаления пули из тела, медвежьей желчью останавливали кровотечение, а при кровотечении из носа нюхали черную тушь (Менхен-Хельфен 1931:121-122).

Менхен-Хельфен признает, что по некоторым показателям тибетская медицина превосходит европейскую. Так, когда в соседней с Тувой Бурятии разгорелась эпидемия тифа, за лечение больных одновременно взялись европейские врачи и ламы-лекари; при этом результаты у последних оказались достаточно высокими. Безусловно, здесь немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что местное население

по привычке больше предпочитало европейской медицине тибетскую. Пример из жизни того же самого Нацова, на которого неоднократно ссылается Менхен-Хельфен, подтверждает это. В юности Нацов учился в монастырской школе; он неплохо владел тибетским языком. И хотя со временем он стал безбожником, поклонником русской науки и коллекционером томов Маркса и Энгельса, тем не менее, когда болел, он обращался в тибетскую клинику. От сложной формы туберкулеза его спасли не русские врачи, а «порошки тибетской медицины», они «сделали его опять таким же жирным и гладким, каким он был раньше» (Менхен-Хельфен 1931:120-123). Однако когда началась чистка в партийных рядах, вопрос перед тувинскими коммунистами ставился вполне конкретно: лечился ли ты у ламы? Как утверждает Менхен-Хельфен, коммунист, который обратился к ламе за лечением, считался запятнавшим себя позором; предпочтительнее было быть мертвым, нежели выздоровевшим при помощи тибетской медицины (Менхен-Хельфен 1931:123).

Почему Менхен-Хельфен дает столь противоречивые сведения? Очевидно, это объясняется тем, что он приехал в Туву как раз в то время, когда здесь шла широкомасштабная антирелигиозная компания. Буддийские монастыри и ламы уже не пользовались таким спросом и успехом, как раньше; шаманы также оказались в списке «неблагонадежных лиц». К моменту вхождения Тувы в состав СССР на ее территории уже не действовало ни одного буддийского храма; многие ламы и шаманы были репрессированы, часть их сослали в лагеря. В годы социализма о религии вообще забыли как о пережитке прошлого.

Религиозные традиции стали востребованными только в период перестройки, которая началась с приходом к власти в СССР М. С. Горбачева в 1985 г. Для буддийских регионов России – Калмыкии, Бурятии и Тувы – это стало поводом для возрождения традиционной национальной культуры, и, конечно, религии как ее составной части. Первый буддийский храм, ознаменовавший возрождение буддизма в Туве, появился в конце 1990 г в. сумоне Кызыл-Даге Бай-Тайгинского кожууна. Инициаторами его строительства были местные жители.

В сентябре 1992 г. состоялся первый в истории официальный визит правительственной делегации Тибета во главе с Далай-ламой XIV в Туву. Этот визит, с одной стороны, стал поводом для закладки нового фундамента в тувинско-тибетских культурных связях, с другой, послужил мощным толчком в деле возрождения буддизма в Туве. Большую роль здесь сыграл и фактор личности Далай-ламы – он один из ведущих духовных авторитетов современного мира, лауреат Нобелевской премии и просто обаятельный человек (Жуковская 1997:14).

В начале 1993 г. в Москве был создан Центр тибетской культуры и информации, который начал действовать под патронажем Его Святейшества Далай-ламы XIV. Одной из основных целей его деятельности явилось оказание помощи в возрождении духовной культуры народов России – калмыков, бурят, тувинцев, - на протяжении веков исповедовавших тибетскую форму буддизма.

Для осуществления этой цели Центр организовал летом 1993 г. первую поездку официального представителя Далай-ламы в России геше Джампа Тинлея в Калмыкию, Бурятию и Туву (фото 32). Важнейшим направлением его деятельности является чтение лекций по буддийской философии, которые всегда проходят с неизменным успехом; жители республики, пожалуй, не посещают ни одно мероприятие с таким желанием и энтузиазмом, как лекции тибетского учителя.

В рамках двустороннего тувинско-тибетского соглашения о взаимосотрудничестве в области религии в августе 1995 г. в Туву приехали два тибетских учителя - геше Лопсан Тубтен и гелонг Такпа Гьятцо; в феврале 1996 г. приехал гелонг Пенде Гьялцен, в начале 1999 г. - тибетский монах Сопа Гьялцен, до этого живший и работавший в Бурятии. В настоящее время все они получили российское гражданство и живут в Кызыле. Наставнической деятельностью занимаются геше Лопсан Тубтен и Сопа Гьялцен, остальные сняли с себя монашеский сан, обзавелись семьями и занялись бизнесом, чем не только огорчили ортодоксальных буддистов, но и поколебали авторитет тибетских учителей, которые выгодно отличались от местных лам своей образованностью и умением грамотно проводить обряды и ритуалы. К удивлению многих в мирскую жизнь вернулся и геше Джампа Тинлей. Сначала он добровольно сложил с себя обязанности официального представителя Далай-ламы XIV в России, затем сложил монашеские обеты, что в буддизме допускается и грехом не считается. Впоследствии геше Тинлей женился на гражданке России. Казалось бы, его карьера духовного наставника завершилась. Однако от наставнической деятельности Тинлей не отказался; он по-прежнему продолжает ездить с лекциями по стране и собирать большие аудитории. Он продолжает оставаться главным популяризатором буддизма в России.

В феврале 1997 г. на учебу в Индию выехала первая группа тувинских хуураков, состоящая из пяти человек; по прибытии они были приняты в монашескую общину Дрейпунг Гоман дацана (на юге Индии, в штате Карнатака), который является наиболее подходящим местом получения образования для тувинских, калмыцких, бурятских и монгольских юношей, поскольку он придерживается традиционной для этих народов

школы Гелугпа. По данным 2009 г., в этом дацане обучается пятнадцать юношей из Тувы.

В сентябре 1997 г. в Кызыле состоялся Всетувинский учредительный съезд буддистов Республики Тыва, на котором был избран камбы-лама - верховный глава централизованной буддийской организации и два его заместителя, которые впоследствии образовали Управление Камбы-ламы Республики Тыва (УКЛРТ). Это событие стало началом оформления институциональной сферы буддийских общин в республике.

Небольшой социологический опрос, проведенный среди участников съезда, показал следующее: 60% опрошенных высказались за возрождение и развитие исторически сложившегося тувинского варианта буддизма; 25% отдали предпочтение классическому тибетскому варианту; 15% сочли возможным развитие тувинского буддизма с использованием тибетского варианта. На вопрос, как они отнесутся к женскому монашеству, если оно появится в Туве, 75% опрошенных дали положительный ответ (Хомушку 2000:9).

За период с 1995-2009 гг. заметно активизировались отношения с тибетцами. Так, в апреле 1996 г. по приглашению местных буддистов приезжал геше-лхарамба (тув. гаарамба) Чамьян Кензе, постоянно живущий и работающий в Санк-Петербурге. Он дал своим слушателям наставления по Ламриму – основному путеводителю для мирян-буддистов. В августе 1997 г. Туву посетила правительственная делегация Тибета в составе премьер-министра Галсана Еши, министра культуры Кирти Римпоче и секретаря Центра тибетской культуры и информации в Москве Таши Делека. Целью их визита стало обсуждение вопросов, связанных с дальнейшим сотрудничеством двух народов. В августе 1998 г. в республике побывал Еши-Лодой Римпоче, живущий и работающий в Бурятии. Он дал наставления народу по Гуру-йоге. В октябре 1999 г. по приглашению правительства Тувы с официальным визитом приезжал Богдо-гэгэн 1Х Джебцун Дамба хутухта, который также дал народу Учение и освятил несколько новых буддийских храмов, в том числе два храма в столице (фото 31). В сентябре 2003 г. он повторил свой визит в Туву, на этот раз по поручению Далай-ламы XIV дал народу Посвящение в Калачакру Тантру, считающейся одной из самых закрытых и сложных учений буддизма. На это событие съехались не только жители из кожуунов, но также прибыли паломники из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Монголии и Бурятии. В общей сложности в Посвящении приняли участие свыше 50 тыс. человек. В августе 2000 г. пожаловал настоятель Дрейпунг Гоман дацана геше-лхарамба Цультим Пунцок, с которым Управление Камбы-ламы подписало соглашение о подготовке новой группы тувинских

хуураков. Начиная с 2004 Туву ежегодно посещают монахи тантрического монастыря Гьюрмед. Они дают народу высокие тантрические Посвящения и лекции по различным аспектам буддизма. Все лекции и Посвящения с тибетского языка переводятся на русский, что делает их доступным для русских жителей республики. В 2006 году монахами этого же монастыря совместно с членами тувинской сангхи и мирянами была сложена из камней на склоне горы Догээ, с которой открывается живописный вид на столицу Тувы, священная буддийская мантра *ом мани падмэ хум* (фото 33). Длина мантры составила 120 метров; на сегодняшний день она является самой большой в мире. Одновременно завершилось строительство большого молитвенного барабана на центральной площади Кызыла (фото 30). Оба проекта осуществлялись при всесторонней поддержке правительства Республики Тува и мэрии г.Кызыла. В сентябре 2009 года по приглашению управления Камбы-ламы Туву посетил геше-лхарамба Йонтен Дамчо, настоятель монастыря Дрепунг Гоманг. Он провел несколько пудж в главном храме Кызыла «Цеченлинг», а также посетил строящийся комплекс Верхнечаданского хурэ.

Между тем Министерство иностранных дел Китая, обеспокоенное ростом популярности Далай-ламы и растущим интересом россиян к тибетскому буддизму, стало все чаще выступать с нотой по поводу нежелательности визитов духовного лидера Тибета в Россию. Именно по этой причине не состоялись запланированные визиты Далай-ламы XIV в Бурятию, Калмыкию и Туву в 1998, 2000, 2003, 2005 гг., как бы этого не хотели жители этих республик. В немилости у китайских властей оказался и геше Джампа Тинлей, которому в России удалось сделать то, что под силу только сильной и многочисленной команде наставников. Благодаря его инициативе и активности буддийские общества открылись и начали действовать в городах «небуддийской ориентации» - Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Уфе, Новосибирске, Красноярске и др.

Однако это только способствует дальнейшему росту популярности Тибета не только в буддийских республиках, но и в России в целом. Учитывая это обстоятельство, российские туроператоры ежегодно организуют туры в Тибет, которые пользуются неизменным успехом у всех слоев общества. В эту далекую и загадочную страну отправляются как простые паломники, так и российские политики, бизнесмены и звезды шоу-бизнеса.

Сегодня портреты Далай-ламы, плакаты с изображением Поталы в Лхасе, кассеты с тибетской медитативной музыкой, украшения с буддийской символикой тибетского производства, герб и флаг Тибета можно приобрести в специализированных магазинах и киосках Кызыла.

Люди с удовольствием смотрят документальные и художественные фильмы о Стране вечных снегов, особенно популярны фильмы «Маленький Будда», «Семь лет в Тибете», «Кундун». Видеокассеты с их записями хранятся во многих домах. Небольшой город Дхарамсала в Северной Индии, где находится тибетское правительство в изгнании во главе с Далай-ламой XIV, стал настоящей Меккой для российских буддистов. Число тувинских юношей и девушек, отправляющихся туда, увеличивается из года в год. Многие из них оседают там надолго.

Однако сотрудничество Тувы с Тибетом носит не только культурно-религиозную, но и политическую окраску. Так, в августе 1994 г. было создано республиканское общество «Друзья Тибета». В первые годы общество в основном занималось вопросами взаимодействия с тибетцами в области буддизма в рамках двустороннего тувинско-тибетского культурного сотрудничества. Постепенно в своей деятельности оно стало больше внимания уделять таким политическим акциям, как объявление голодовок, проведение дней Тибета в Туве, участие в международных конференциях групп поддержки Тибета и т.д. Такие акции, главным образом, имеют цель привлечь внимание общественности к современному положению Тибета и тибетского народа в Китае.

5. Общение с духами

Однажды Менхен-Хельфен стал свидетелем шаманского камлания. К этой довольно сложной процедуре, как правило, посторонних, а тем более людей иной веры не допускают. В этом смысле немецкому исследователю несравненно повезло, он имел возможность воочию наблюдать, как шаманка общалась с духом.

Дело было в селе Хондергей Дзун-Хемчикского кожууна. Молодую шаманку пригласили в дом, где болела маленькая девочка. Менхен-Хельфен описывает действо следующим образом: шаманка била в бубен, взывала к духам, которых она «умоляла, но не принуждала», временами у нее подкашивались ноги, она несколько раз падала в экстазе, но каждый раз поднималась и продолжала бить в бубен, удары ее были очень сильны. Шаманка потела, закатывала глаза, иногда она пила чай и курила трубку. Так она устанавливала контакт с духом болезни ребенка. Она обращалась к духу со словами: давай покурим, давай выпьем *арагу* (молочную водку – М.М.), поезжай со мной на лошади, разделим вместе плащ-шубу.

Через некоторое время шаманка обратилась к духу уже от имени больной девочки: я единственная дочь у матери, я еще не пробовала материнского молока, я не лежала у материнской груди; у меня больше нет крови, мое тело истощено, мои ребра выступают, мои щеки